

2. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 232 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка : Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – Ин-т языкознания РАН. – М. : Знак, 2012. – 208 с.
5. Плотников, Б. А. Основы семасиологии : учеб. пособие. для филол. фак. вузов / Б. А. Плотников ; под ред. А. Е. Супруна. – Минск : Вышэйш. шк., 1984. – 223 с.
6. Седов, К. Ф. Дискурс как суггестия : Иррациональное воздействие в межличностном общении / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2011. – 336 с.
7. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла : Французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 1999. – С. 12–53.
8. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века : сб. статей. – М. : Рос. гос. ун-т, 1995. – С. 35 – 73.
9. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сб. науч. тр. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. – С. 11 – 22.
10. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

N. L. Druzhina

Vitebsk State University named after P. M. Masharov

e-mail: natalia.druzhina@mail.ru

Discourse and semantic field in linguistic research

Key words: discourse, semantic field, mother tongue, family, universal and idioethnic characteristics of a family.

The article reveals those structures of knowledge which are represented in linguistics with the help of the word discourse; the necessity of the analysis of the units of the semantic field in different types of discourse is justified. The interest to this terms is determined by the fact that language and culture demand the combinations of different linguistic methods for their better cognition and comprehension.

УДК 811.161.1; 821.161.1-1

И. А. Иванова

Московский государственный областной университет

e-mail: iai7691@mail.ru

Концептосфера «зарождение любви / первая любовь» как фрагмент концепта *любовь*

Ключевые слова: концепт «любовь», концептосфера, идиостиль, семантический множитель, языковая картина мира.

В статье раскрываются особенности идеостиля А. П. Чехова посредством анализа фрагмента концепта «любовь»; показана значимость исследуемой концептосферы для русской языковой картины мира и авторского стиля писателя; обоснована лексико-семантическая трансформация концепта в языке художественного произведения.

В любом глобальном и ценностном концепте можно выделить несколько составляющих данный лингвокультурный концепт фрагментов, или концептосфер. Особенностью русского концепта *любовь* является многоплановость языковых единиц его составляющих. Как отмечает ряд исследователей (например, Селиверстова О. Н., Степанов Ю. С. и др.), концепт *любовь* относится к каузативным концептам, то есть значительная часть

лексических средств его наполняющих является глаголами, причём глаголами со значением «попеременного сравнения», взаимного уподобления двух лиц [7, 282].

В то же время данный концепт относится к эмотивным концептам, описывающим чувства и эмоции человека, которые репрезентируются в языковой картине мира русского языка, как правило, именами (то есть существительными и прилагательными).

При его детальном анализе обращает на себя внимание способность концепта *любовь* распасться на отдельные лексико-семантические пласты, которые характеризуют его временное протекание (например, в работе И. А. Ивановой: концептосфера «этапы любви»: зарождение – протекание – затухание / исчезновение [2]) или интенсивность проявления (так, в статье Ключниковой Л. В. рассматривается феномен *любви* в рамках макроконцепта «Проявления любви» реализующийся в виде треугольника Эрос (творчество) – любовь – сексуальность [3]).

В данной статье нам хотелось бы рассмотреть концептосферу «зарождение любви / первая любовь» как фрагмент глобального концепта *любовь*. Анализ данного лексического явления предполагается провести на языковом материале рассказа А. П. Чехова «Шуточка», поскольку в художественном тексте находят языковое воплощение семантические приращения и коннотации, составляющие ядро и периферийную зону концепта не только в языковой картине мира, но возникают индивидуальные (авторские) характеристики того или иного концепта, обогащающие и уточняющие лексико-семантическое наполнение изучаемого языкового феномена. Как отмечают многочисленные исследователи концептов русской языковой картины мира, «благодаря анализу литературных произведений, которые отражают мировидение различных авторов как языковых личностей, сложившихся в процессе социализации и потому подвластных стереотипам, но всё же неповторимых» [8, 6], представляется возможным уточнить и расширить понимание лексико-семантического наполнения концепта, его смысловой трансформации.

Следует отметить, что в русской языковой картине мира лексико-семантическое средства, составляющие ядро концептосферы «зарождение любви / первая любовь» представлены довольно скудно: это глаголы *влюбиться* (влюбиться – в 1-ом знач. ‘испытывать чувство влюблённости, т. е. страстного любовного влечения к кому-л.’ [1, 632]), *полюбить* (полюбить – во 2-ом знач. ‘почувствовать горячую сердечную склонность, влечение к лицу другого пола’; ◊ Полюбить на всю жизнь, с первого взгляда, в первый раз и т. п. [6, 1145 – 1146]), входящие в ядерную зону, и устойчивое словосочетание *первая любовь* (‘чувство любви, испытываемое впервые || о человеке, внушающим такое чувство’, по значению прилаг. *первый* – в 6-ом знач. ‘ранее не бывавший, впервые услышанный, испытанный и т.д.’ [5, 412]), находящееся в приядерной зоне русского концепта *любовь*.

Это находит своё отражение и в языке произведения А. П. Чехова «Шуточка» [9; далее текст произведения А. П. Чехова цитируется по этому источнику]. Анализ концепта *любовь* в других произведениях позволил выявить отличительную черту его идеостиля: при репрезентации исследуемого концепта писатель почти не использует языковые единицы ядерной и приядерной зоны: а именно, в тексте полностью отсутствуют или немногочисленны дериваты с корнем -люб- и языковые синонимы, содержащие семантический множитель ‘любить’. (Под семантическим множителем нами понимается наименьшая единица семного содержания, соотносимая с соответствующим ей элементом системы выражения в парадигматическом ряду, сходных языковых явлений.)

Язык художественного пространства рассказа строится подобным образом. Раскрытие глубинного смысла концепта *любовь* даётся имплицитно: через описание чувств и эмоций героев, через описания природы. Отбор языковых средств при этом производится из периферийной зоны концепта, в некоторых случаях можно говорить об авторских синонимах к дериватам ‘любовь’ и ‘любить’ и семантических приращениях с множителем ‘любовь’ к словам, которые не имеют в языковом сознании русского языка подобного лексико-семантического значения.

Сюжет рассказа хронологически разделён на две части: на воспоминания главного героя о его шутке над соседской барышней Наденькой в молодости и повествование о настоящих днях. При анализе языка произведения обращает на себя внимание то, что формами настоящего времени глаголов передаётся далёкое прошлое героев, а настоящий момент становится далёким прошлым. Такой приём позволяет автору подчеркнуть всю важность чувства зарождающейся любви и сложности эмоций, которые порождает первая любовь.

Итак, в первой части действие разворачивается во время катания главного героя (он же рассказчик) с барышней Наденькой на санках. Он уговаривает девушку скатиться с горы, и в то время как воздух *«ревёт, свистит в ушах, <...> хочет сорвать с плеч голову»* (с. 87), он тихо произносит: «Я люблю вас, Надя!» Этой, казалось бы, простой сценой зимней забавы А. П. Чехов очень точно описывает состояние человека при появлении любовного чувства, его зарождении. Вся символика, используемая при описании спуска с горы, направлена на то, чтобы как можно точно описать и передать эмоции героини от чувства первой любви, того чувства, которое для неё ещё неизвестно. Новое чувство мыслится героине как что-то опасное для жизни: *«всё пространство <...> до конца ледяной горы кажется ей страшной, неизмеримо глубокой пропастью»* (с. 87), *«...что же будет, если она рискнёт полететь в пропасть! Она умрёт, сойдёт с ума»* (с. 87). Как мы видим из этого небольшого описания душевного состояния Наденьки ею владеет непреодолимый страх, возможно, переходящий в ужас. Автор описывает эти эмоции очень кратко, но эмоционально ёмко: *«у неё замирает дух и прерывается дыхание»* (с. 87), героиня, уступая уговорам, садится в санки *«бледная, дрожащая»*.

Далее следует сам спуск с горы; это и процесс физического спуска на санках, и в то же время эмоционально насыщенная по переживаниям картина зарождения любви: А. П. Чехов очень точно подмечает и передаёт с помощью художественных средств смятённое состояние человека, его страх и растерянность: так в тексте подчёркивается стеснённость чувств дыхания и зрения (*«От напора ветра нет сил дышать»* (с. 87), *«Окружающие предметы сливаются в одну длинную, стремительно бегущую полосу»* (с. 87) – и так повторяется всякий раз, когда герои скатываются с горки). Весь эмоциональный накал чувств автор мастерски передаёт одним сравнением: *«Кажется, сам дьявол обхватил нас лапами и с рёвом тащит в ад»* (с. 87) – здесь положительное для русского языкового сознания понятие любви трансформируется в своём семантическом наполнении и таким образом уточняется лексико-семантическое значение исследуемой концептосферы в рамках идеостилия писателя.

Описание многократного повторения катания с горки, преодоления героиней своего страха служит языковой репрезентацией чувств, возникающих при первой любви, уточнения эмоционального состояния человека. Например, внизу горки Наденька заявляет, что не поедет во второй раз (*«Ни за что на свете! Я едва не умерла!»* (с. 88), её глаза широко раскрыты и полны ужаса. Здесь мы обнаруживаем особенность концептосферы «зарождение любви / первая любовь», которая фиксируется в языковой картине мира русского языка и служит языковым средством для передачи авторской идеи. Это связано с тем, что в данную концептосферу наполняют лексемы, имеющие в языке как положительную, так и отрицательную коннотацию, но внутри самой концептосферы они утрачивают негативную оценку. Например, чувства Наденьки от возникновения любви (то есть этап «зарождение любви») можно описать как отрицательные: *«Наденька... грустно <...> заглядывает мне в лицо», «ей неловко, страшно...»* (с. 88), потому что ей *«мешает радость»* (с. 88). Или быстрая смена настроения героини из-за того, что она не может понять слышит ли она слова признания или ей только кажется; тем более что, взглядываясь в лицо своего спутника, она видит не взаимность, а равнодушные: *«...вопросительно заглядывает мне в глаза... <...> а я стою возле неё, курю и внимательно рассматриваю свою перчатку»* (с. 88), *«Эта неизвестность беспокоит её, выводит из терпения. Бедная девочка <...> готова заплакать»* (с. 88) – здесь опи-

сываются такие чувства, как тайная надежда, тревога, предвкушение разгадки, предчувствие разочарования; номинации эмоций, входящих в анализируемую концептосферу, имплицитно представлены лексемами «неуверенность», «томление души», «страх», «ожидание смерти» (например, спускаясь с горки одна, без спутника, Наденька садится в санки «...с раскрытым от ужаса ртом, <...> закрывает глаза и, противившись навеки с землёй, трогается с места» (с. 89).

В то же время в семантическом объёме исследуемой концептосферы заложено отрицательное осмысление говорящими чувства первой любви. Чувство радости от фразы «Я люблю вас, Надя!» становится главным смыслом в жизни девушки в этот период (положительная эмоция в данной концептосфере), но она привыкает к ней, «как к вину или морфию» (отрицательная эмоция, характеризующая ещё одну концептосферу глобального концепта *любовь* – «любовь – болезнь»). Это, пожалуй, находит подтверждение и в использовании А. П. Чеховым в рассказе излюбленного приёма – кольцевой композиции. Несколько раз Наденька преодолевает свой страх и спускается с горки, чтобы раз за разом слышать слова: «Я люблю вас, Наденька!» Как нам кажется, здесь заложена глубокая символика понятия «первая любовь»: страх перед спуском с горки – страх от нового, ещё неизвестного чувства, шум вихря, в котором звучит признание – вихрь эмоций, мука от неизвестности (кто произносит слова: герой или ветер?) – радость от того, что эти слова вновь услышаны. Наденька больна новым чувством, оно не приносит ей прежнюю радость; но от эмоционального напряжения «ей, по-видимому, уже всё равно; из какого сосуда ни пить – всё равно, лишь бы быть пьяным» (с. 89).

Необходимо также обратить внимание на символику ветра в данном произведении. В начале рассказа он приобретает антропоморфные черты: главный герой прячется за рёвом ветра, когда делает шуточное признание в любви, поэтому «...подозреваются двое: я и ветер» (с. 89), далее – перед своим отъездом в Петербург герой заглядывает через забор во двор дома Наденьки: он видит её «бледное, унылое лицо», устремлённый «печальный, тоскующий взор...» (с. 90), от дующего в лицо ветра она становится ещё более грустной, потому что нет больше слов любви, нет восторга от тайной надежды на продолжение нового чувства.

Затем ветер становится символом радости от впервые зародившейся любви, ощущения счастья, которое героиня сохраняет на всю жизнь. Находим данную трактовку в описании сцены, когда, увидев её плачущей в холодном весеннем саду, главный герой, дождавшись порыва ветра, ещё раз произносит вполголоса: «Я люблю вас, Надя!» – и эти слова совершенно преображают девушку: она «улыбается во всё лицо и протягивает навстречу ветру руки, радостная, счастливая, такая красивая» (с. 90), и в заключительной части рассказа, где повествование перенесено на много лет вперёд: героиня стала женой и матерью, загадка признания так и осталась загадкой (и героиня уже не стремится её разгадать), но то время, когда они вместе ходили на горку и когда ветер доносил желанные слова, самое счастливое, «самое трогательное и прекрасное воспоминание в жизни» (с. 90).

Таким образом, рассмотрев концептосферу «зарождение любви / первая любовь» в рассказе А. П. Чехова «Шуточка», можно сделать следующий вывод: анализ составляющих идиостиль писателя концептов и их фрагментов с точки зрения лингвоэстетического аспекта ведёт к осмыслению роли языковых средств родного языка в художественных произведениях и их смысловой трансформации в текстах различной жанровой принадлежности; способствует обогащению языковой картины мира языка в целом через проникновение авторских смысловых приращений к семантике общезыковых понятий и единиц (например, в языковом сознании русского языка в концептосфере «первая любовь» на ядерном уровне употребления присутствует сема 'страх, беспокойство', но сравнение этого чувства с дьяволом, страшной пропастью, казнью мы встретим только на периферии понятия, в языке авторского стиля).

Литература

1. Большой академический словарь русского языка / РАН. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. – М.-СПб. : Наука, 2003 – 2017. – Т. 1 – 24 (издание продолжается). – Т. 2, 2005.
2. Иванова, И. А. Концептосфера «этапы любви» (на языковом материале романа, М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени») / И. А. Иванова // «Русский язык и литература : история и современность» (вып. II). Сборник научных статей. – М. : МГОУ, 2015. – 423 с. – С. 298 – 305.
3. Ключникова, Л. В. Концепт «Проявления любви» / Л. В. Ключникова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2010. – № 1. – С. 78 – 81.
4. Селиверстова, О. Н. Модели типа «X любит Y-а» // Семантические типы предикатов / под ред. О. Н. Селиверстовой. – М., 1982. – С. 139 – 146.
5. Словарь современного русского языка литературного языка: в 17 т. // АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950 – 1964. – Т. 9, 1959.
6. Словарь современного русского языка литературного языка: в 17 т. // АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950 – 1964. – Т. 10, 1960.
7. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997.
8. Фрагмент русской языковой картины мира «Жизнь женщины»: коллективная монография / под ред. В. В. Леденёвой. – М. : Изд-во МГОУ, 2013. – 236 с.
Источники
9. Чехов, А. П. Рассказы / А. П. Чехов. – Л. : «Художественная литература», 1978. – 384 с.

I. A. Ivanova

Moscow State Regional University
e-mail: iai7691@mail.ru

Conceptosphere «the origin of love / first love» as a fragment of the concept of love

Key words: concept «love», conceptual sphere, idiosyle, semantic multiplier, language picture of the world.

The article reveals the features of Chekhov's ideostyle by analyzing the fragment of the concept "love"; shows the importance of the studied concept sphere for the Russian language picture of the world And the author's style of the writer; substantiates the lexical-semantic transformation of the concept in the language of the work of art.

УДК 811.161.1'23'374

А. В. Ковалёва

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: kovalyova.anna2012@yandex.by

Номинация «восхищение» в русской языковой картине мира (на материале толковых словарей и Национального корпуса русского языка)

Ключевые слова: лексикология, лексикография, лингвокультурология, эмоции, языковая картина мира.

В статье эмоция “восхищение” рассматривается в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах; делается попытка на материале авторитетных русскоязычных толковых словарей и Национального корпуса русского языка проанализировать данную номинацию в контексте её семантики и сочетаемости; проследить динамику развития системы значений, а также употребительности, и определить её место в русской языковой картине мира.

В настоящее время разноаспектное изучение эмоций и чувств приобретает особую актуальность: во-первых, в связи с возрастанием роли антропоцентризма как приоритета в развитии науки второй половины XX века. Во-вторых, данные явления представляются